

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/57/5

Н. А. Балаклеец

Ульяновский государственный технический университет

**Метафизика власти
в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом»^{*}**

Рассматриваются метафизические аспекты власти, представленные в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом». Произведение дает богатый материал для исследования типологии власти, способов и форм ее реализации, а также ее трансгрессии (преодоления). Автор, привлекая для анализа идеи Н. А. Бердяева, А. Кожева, М. М. Бахтина, Э. Канетти, М. Ямпольского и других исследователей, эксплицирует и описывает уровни осуществления власти в историческом романе Лажечникова. Писатель, вскрывая причины кризиса правления Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона, противопоставляет господству временщика идеал мощной государственной власти (такой идеал для него воплощен в фигуре Петра I). Особое внимание в статье уделяется гендерному аспекту монархической власти, а также феноменам тела и пространства.

Ключевые слова: русская литература, исторический роман, власть, метафизика, Лажечников, «Ледяной дом», тело, пространство.

Появление жанра исторического романа в русской литературе датируется периодом 1820–1830-х гг. [Горбатов, 2009, с. 3]. Именно в это время из-под пера М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого, И. И. Лажечникова и других литераторов вышли художественные произведения в жанре исторической прозы.

Роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом», увидевший свет в 1835 г., в ряду исторических произведений русской литературы занимает особое место. Высокую оценку произведению дал А. С. Пушкин: «...поэзия всегда остается поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык», – отмечает классик в письме Лажечникову, датированном 3 ноября 1835 г., вместе

---

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-34-11045 «Своеобразие и мировое значение русской классической литературы (XIX – первая половина XX столетия). Идеалы, культурно-философский синтез, рецепция».

Балаклеец Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета (ул. Северный Венец, 32, Ульяновск, 432027, Россия; bnatalja@mail.ru)

с тем обращая внимание на отступление автора романа от исторической истинности [Пушкин, 1962, с. 262–263]. Позднее В. Г. Белинский в критической статье, посвященной «Ледяному дому», сформулирует один из ключевых вопросов, с которым приходится сталкиваться при интерпретации любого художественного произведения на историческую тему: имеет ли право поэт исказить историческое лицо? Ответ на этот вопрос, согласно Белинскому, не может быть однозначным: если отступление от исторической истины при изображении эпохальных исторических фигур, подобных Петру I, представляется недопустимым и кощунственным, то включение в художественное произведение анахронизмов и допущение неточностей в отношении лиц второстепенных в историческом отношении может быть вполне оправдано сюжетными и эстетическими особенностями романа. Таким образом, Белинский проводит строгую границу между историей и исторической литературой: «в произведении искусства должно искать соблюдения художественной, а не исторической истины» [Белинский, 1953, с. 10]. Сам Лажечников в прологе к «Басурману», последнему из созданных им исторических романов, оправдывая сознательное, умышленное использование в тексте нескольких анахронизмов, во многом повторяет рассуждения Белинского. Писатель, допуская отступление от строгой хронологии исторических событий, подчеркивает роль идейного содержания, которое должно пронизывать поэтику исторического романа [Лажечников, 1963, т. 2, с. 423]. Исторический роман как открытая семиотическая система представляет собой напластование множества хронологически разнородных слоев, где исторические события представлены через призму частных отношений, личных драм и любовных коллизий героев. Роман «Ледяной дом» представляет ценность не только в эстетико-художественном, историческом и социокультурном аспектах, но и дает богатый материал для исследования имплицитно представленной в нем метафизики власти, ее типологии, способов ее трансгрессии (преодоления).

Носителями и проводниками власти в историческом романе являются живые люди со своими слабостями, страстями и пороками, и в действиях этих людей (как намеренных, так и случайных) и вершится история. Современному читателю данная идея представляется очевидной, однако позволим себе напомнить, с каким трудом она пробивала себе дорогу в европейской теоретической мысли, на протяжении многих столетий зависимой от идеи провиденциализма – метафизической предопределенности исторических событий. Лишь в XVIII столетии итальянский философ истории Дж. Вико в своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» сформулировал важнейший в теоретическом отношении тезис: «Мир Наций был, безусловно, сделан *Людьми*... (курсив наш. – Н. Б.), и потому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного Человеческого Сознания» [Вико, 1994, с. 118]. Иными словами, люди не являются заложниками или марионетками высших, непостижимых человеческим сознанием сил и законов истории, но ее активными творцами и преобразователями. Вместе с тем следует отметить, что люди, творящие историю в романе «Ледяной дом», – это не широкие народные массы, не коллективный субъект истории, но «несколько пылких самоотверженных голов», отдельные представители политической элиты общества: «Тогдашний народ, включая и дворянство, погрязший в невежестве и раболепном страхе, кряхтел, страдал, но так же охотно бегал смотреть на казнь своих защитников, как бы на казнь утеснителей своих» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 127]. В «Басурмане» Лажечников прибегает к укоренившейся в русской социальной философии начиная с П. Я. Чаадаева характеристике России как страны «народа-младенца» [Там же, с. 423], «Геркулеса-младенца» [Там же, с. 436], готового к славным историческим свершениям и обладающим колоссальной мощью. Но эта мощь принадлежит не настоящему, а реализуема лишь в исторической перспективе будущего.

Яркая и запоминающаяся характеристика собирательного образа России, представленная Лажечниковым в «Ледяном доме», достигается с помощью описания многообразных способов и форм бытия власти. На наш взгляд, метафизические основания власти в анализируемом произведении проявляются на нескольких уровнях.

Первый уровень власти представлен в ее сакральном, трансцендентном основании. Воплощением высшего метафизического начала власти призвана служить императрица Анна Иоанновна. Если использовать для характеристики монархического способа господства классификацию типов власти, предложенную А. Кожевым [Кожев, 2006, с. 26, 39–46], данный тип господства можно определить как «власть Отца»: это наследственный тип власти, незыблемость и естественный характер которого обусловлены его метафизическим, божественным происхождением. Метафизический характер императорской власти возвышает ее над конкретно-историческим социальным порядком, над ее подданными и даже над ее носителем и проводником – монархом, действующим не как частное лицо, но как выразитель надындивидуального божественного начала. Сакральный статус монархической власти обусловлен ее высшим, трансцендентным источником. Не случайно даже самый ревностный противник Бирона Вольтер не смеет посягать на трансцендентность высшей власти «матушки государыни» и стремится завоевать ее «милостью» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 134]. Однако Лажечников неоднократно подчеркивает политическую несостоятельность Анны, ее несоответствие тому метафизическому началу власти, которое она призвана воплощать в проявлениях своей индивидуальной воли. Монаршая особа не только не способна нести тяжкое бремя господства над социально-политическим целым, но и осуществлять господство над собой. Императрица изображается в романе как слабая больная женщина, подверженная капризам и не способная самостоятельно принимать судьбоносные политические решения. «Старая, хворая, брюзгливая женщина всегда с причудами» [Там же, с. 141] – подобная нелестная самохарактеристика императрицы неоднократно повторяется и усиливается самим автором повествования: «Анна Иоанновна была больная женщина, и любимец ее умел пользоваться ее немощами» [Там же, с. 219]; «Несчастия России, если и вполонину существовали, как ей изобразили, налегли на грудь ее, и без того *растерзанную болезнями* (курсив наш. – Н. Б.) и привычкою к предмету недостойному» [Там же, с. 239]. Описывая неприглядную внешность императрицы, Лажечников сумел тем не менее избежать грубого натурализма: внешнее для него неотрывно от внутреннего, тело императрицы символизирует коллективное тело, страдающее от установившейся в России «грозной, хищнической» власти.

Для более детальной экспликации особенностей монархической власти, представленной в «Ледяном доме», на наш взгляд, необходимо прибегнуть к концепции «двух тел» короля, согласно которой монарх обладает не только бранным и преходящим физическим телом (что приравнивает его к простому смертному), но и телом политическим, бессмертным, обеспечивающим его связь с непреходящей божественной властью. И подчас «человеческое, слишком человеческое» не позволяет высшему суверену соответствовать своему нетленному политическому телу, что может привести к трагическому диссонансу «двух тел» монарха (что показывает Е. Канторович на примере анализа образа английского короля в трагедии Шекспира «Ричард II») [Канторович, 2014]. Очевидно, что, подобно шекспировскому Ричарду, больная и подверженная постоянным капризам императрица Анна, которая «приметно гасла день ото дня» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 37], не способна в должной мере воплощать символическое тело власти. И этот диссонанс физической плоти и политического тела монарха не мог не отразиться на символическом теле государства, возглавляемого Анной. При смерти не только императрица, но и вся Россия, страдающая под гнетом временщиков. Отталки-

вающая внешность императрицы («смуглой, с длинным носом, тучной, мрачной» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 262]) выступает символом уродства установившейся в государстве системы власти. Лажечников описывает различные формы аномийных, извращенных социальных отношений, характерных для России времен царствования Анны Иоанновны, России, охваченной ужасом: это и изощренные пытки («Батоги, плети, окачивание на морозе водою, соленая пища без питья, тысячи жестокостей, какие только адская изобретательность умеет разнообразить и оттенить, употребляемы без всякого уважения к истинному несчастью и без всякой ответственности» [Там же, с. 241]), и вынужденное убийство собственных детей отцами – обнищавшими крестьянами, оказавшимися не в состоянии заплатить налоги в государственную казну [Там же, с. 242–243], и разгул тайной канцелярии, и введенные в систему доноительство и шпионаж, и установившаяся практика регулярных допросов населения, и мода знати на «дураков, шутов и сказочников обоого пола и разного состояния, начиная от крепостных до князей» [Там же, с. 39].

Вместе с тем описываемые в «Ледяном доме» уродливые, аномийные формы осуществления власти не ставятся самим автором в вину императрице: как символ высшего, трансцендентного закона, она находится вне критики, над схваткой, которая размещала придворную элиту. Такая позиция власти может быть прекрасно проиллюстрирована словами С. С. Аверинцева: для русского сознания «сама по себе власть... это нечто, находящееся вне человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее» [Аверинцев, 1988, с. 235]. Кризис суверенной власти Анны Иоанновны связан с ее онтологической неполнотой, неспособностью воплощать на практике принципы высшего Закона и справедливости. Автор романа снимает с императрицы ответственность за безвластие и беззаконие, царящие в тогдашней России, оправдывая ее элементарной неосведомленностью о творимом ее фаворитом Бироном произволе: «Как нас обманывают! – сказала она, всхлипывая. – Я и сотой части этого не знала. Как терзают бедное человечество, и все именем моим!..» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 243].

Анна Иоанновна – не только выразительница монаршей воли, но и, прежде всего, женщина (что она сама подчеркивает), и раскрытие гендерной подоплеки императорской власти играет в романе далеко не последнюю роль. С воцарением Анны – болезненной и нерешительной представительницы слабого пола – Лажечников связывает и политический кризис, охвативший тогдашнюю Россию. Подобное предосудительное отношение к женскому правлению находим и в другом историческом романе Лажечникова «Последний Новик». Нелестная характеристика представительниц слабого пола на троне принадлежит одному из героев романа – Петру I: «восхищенный успехами своего войска, он пришел к царевне Софии, рассказывал о подвигах своих, шутил над женским правлением; говорил, что для рук, привыкших владеть иглою и веретеном, тяжела держава, с которою надо соединять и меч» [Лажечников, 1963, т. 1, с. 470]. Не чуравшийся женского общества, Петр в изображении Лажечникова тем не менее строго оберегает от них монаршие тайны: «знавшие хорошо русского государя знали так же верно, что хотя он всякой прекрасной женщине старался быть приятным, но еще ни одна из них не могла прибрать ключа к его кабинету» [Там же, с. 108].

Онтологическая неполнота фемининного начала власти в России, интуитивно понятая и раскрытая Лажечниковым, впоследствии получит философское обоснование в работах Н. А. Бердяева. Причины характерной для России трансформации «безграничной свободы» в «безграничное рабство» мыслитель усматривает в отсутствии в российской культуре имманентно присущего ей маскулинного начала, которое приходит в Россию извне, как правило из Западной Европы. «Великая бѣда русской души... въ женственной пассивности, переходящей въ “бабье”, въ недостаткѣ мужественности, въ склонности къ браку съ чужимъ и чуждымъ

мужем», – отмечает Н. А. Бердяев [Бердяев, 1990, с. 41]. Данный тезис не следует подвергать вульгаризованной интерпретации (в том смысле, что выразителем высшего начала власти в России непременно должен быть мужчина). Речь идет о признании необходимости воплощения в фигуре правителя принципа маскулинности, способности активного созидательного оформления и упорядочения аморфной, расплывчатой культурной и политической среды. Бирон в изображении Лажечникова и выступает по отношению к России, выражаясь словами Бердяева, таким «чуждым мужем», призванным привнести в систему власти внешнее, организующее, упорядочивающее начало, но не справляющимся с данной задачей (да и в принципе отказывающимся эту задачу видеть): «Россія невѣстится, ждѣть жениха, который долженъ прійти изъ какой-то выси, но приходитъ не суженый, а нѣмецъ-чиновникъ и владѣть ею» [Там же, с. 16].

Обобщая сказанное, следует отметить, что в образе императрицы воплощена идея кризиса метафизического начала власти. Нарушается принцип репрезентации, в соответствии с которым имманентное, земное (монарх) должно служить явлением трансцендентного, божественного. Применительно к образу Анны Иоанновны, представленному в романе Лажечникова, можно сделать вывод, что речь уже идет не о представлении, но об искажении и извращении трансцендентного.

Второй уровень власти в романе представлен борьбой за господство, которую ведет кабинет-министр Артемий Петрович Волынский, поддерживаемый немногочисленными единомышленниками, против Бирона и его сторонников. На стороне Волынского – верный секретарь и помощник Зуда, тайный советник Щурхов, граф Сумин-Купшин, гофинтендант Перокин, а также позднее примкнувший к ним кабинет-секретарь Эйхлер. Власть Бирона ориентирована исключительно на имманентное, земное, конечное, временное (отсюда закрепленное за ним обозначение «временщик»), тогда как Волынский – тот, кто пытается восстановить трансценденцию в ее живом и исконном смысле, вернуть монархической власти ее сакральный статус.

Между Бироном и Волынским разыгрывается борьба не на жизнь, а на смерть, связанная с риском и желанием добиться признания, и именно это обстоятельство позволяет нам охарактеризовать противоборство между двумя этими соперниками как попытку установления власти Господина (в соответствии с классификацией А. Кожева [Кожев, 2006, с. 27–31]). Внешняя цель этой борьбы заключается в том, чтобы склонить императрицу на свою сторону, ибо каждый из оппонентов прекрасно понимает: добиться своих политических целей, спасти (или погубить) Россию можно, лишь завоевав полное доверие государыни. Таким образом, приближенность подданного к императрице в физическом пространстве соответствует его повышению в символической иерархии отношений власти, и наоборот. Социальные статусы в системе отношений господства и подчинения могут выражаться с помощью разнообразных символов, в том числе с помощью тех символических отношений, в которые включены определенные позиции человеческих тел: «Нет более примитивной формы власти, чем та, которую осуществляет само тело» [Канетти, 2012, с. 475]. Взаимное расположение тел в системе установленных пространственных конфигураций и оппозиций (например, обязанность подданных стоять в присутствии сидящего монарха; нищий, сидящий на корточках перед проходящими мимо людьми) может рассматриваться как выражение принципов социально-политической иерархии. Показательны в этом плане сцены романа, в ходе которых императрица выбирает себе провожатого и подает ему руку: ее благосклонность падает поочередно то на Бирона, то на Волынского.

Политическое противостояние герцога курляндского и кабинет-министра характеризуется различными мотивами осуществления власти: если власть временщика нацелена исключительно на достижение личной выгоды («он живет только

для своего лица, а не для славы и блага России» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 45]), то Волынский прилагает все усилия для того, чтобы руководствоваться в своих действиях соображениями не индивидуальной выгоды, но общего блага. Глубинный мотив, скрывающийся за действиями кабинет-министра и его союзников, заключается в восстановлении поправленного временщиком Закона: «Не нарушали мы закона, но шли против беззакония в лице временщика» [Там же, с. 279], – восклицает один из сторонников Волынского Эйхлер. Восстановление Закона означает и соблюдение принципа преемственности монархической власти, идеалом которой в романе выступает власть «бессмертного» Петра I: «Россия Петрова, широкая, державная, могучая» [Там же, с. 52].

На протяжении всего текста романа оба – и Волынский и Бирон – неоднократно демонстрируют свою готовность поставить на кон свою жизнь в борьбе с противником. «Я или он должен погибнуть!» – восклицает разгневанный временщик после разговора с кабинет-министром [Там же, с. 137]. В одной из заключительных сцен романа Бирон настаивает на том, чтобы колеблющаяся императрица подписала смертный приговор «мятежникам» во главе с Волынским, в противном случае он готов пожертвовать своей жизнью: «Моя или его голова должна слететь; нет середины, ваше величество! Избирайте» [Там же, с. 297]. Волынский и его ближайшие соратники Щурхов и Пεροкин (данные фамилии являются анаграммами реальных исторических деятелей Хрущова и Еропкина) мужественно принимают смерть. Но эта смерть – не просто выражение политической мести, это жертва, предвещающая скорый закат бироновщины и наступление нового социально-политического порядка, основанного на реставрации поруганного Закона.

Образ Бирона, представленный на страницах «Ледяного дома», послужил основой для создания аллюзий в произведениях русской литературы¹. К примеру, одно из сравнений из «Былого и дум» А. И. Герцена («как Бирон, вылил мне в декабре месяце ушат холодной воды на голову» [Герцен, 1958, с. 278]) отсылает к знаменитой сцене пыток людьми Бирона малоросса Горденко, когда тот, облитый на морозе ушатами холодной воды, был буквально превращен в ледяную статую. Роман П. В. Полежаева «Бирон и Волынский» воспроизводит многие сцены «Ледяного дома»: это и знаменитая сцена шутовской свадьбы, и «родины козы», и сцена подписания смертного приговора Волынскому [Полежаев, 1994].

Следующий – третий – уровень власти образован действующими в романе представителями народных масс. Как уже отмечалось нами выше, народ в «Ледяном доме» не обладает самосознанием и политической волей и не может претендовать на статус полноценного субъекта истории. Идея несостоятельности народовластия, лишения русского народа права полноценной онтологической и исторической субъектности в еще большей степени усилена на страницах последнего исторического романа И. И. Лажечникова «Басурман». Великий князь Иван Васильевич, единовластный правитель Московской Руси, восклицает: «Народ?.. Где он?.. Подай мне его, чтобы я мог услышать его ропот и задуть, как тебя душу. Где этот народ, говори?.. Отколь он взялся?.. Есть на свете русское государство, и все оно, божьею милостью, во мне одном...» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 373]. Власть самодержца здесь не ориентирована на соответствие общей, народной воле, но соотносится исключительно со своей сакральной трансцендентной основой, с тем исходным источником, в котором эта власть черпает свою силу и благодаря которому получает свою легитимацию.

Лишь один из фрагментов «Ледяного дома» демонстрирует попытку народа стать полноправным субъектом истории – речь идет об описании расправы

---

¹ Подробнее о влиянии «Ледяного дома» на русскую литературу XIX–XX вв. см. [Чиркова, 2013].

над Бироном, когда народ, выражаясь терминологией А. Кожева, приобретает власть «Судьи» [Кожев, 2006, с. 35–39], восстанавливая историческую справедливость и поправное временщиком трансцендентное начало власти: «Кто не знает об ужасной ночи, в которую, под неучтивыми ружейными прикладами, стащили его за волосы с пышной дворцовой постели, чтобы отправить в Сибирь по пути, протоптанному тысячами его жертв? Кто не слышал об этой ночи, в которую жена его, столь надменная и пышная, предана поруганию солдат, влачивших ее по снегу в самой легкой ночной одежде?» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 303]. Но это мнимая, неподлинная историческая субъектность: народ учиняет расправу над временщиком не по собственной воле, но по приказу Миниха, выполняя лишь временную функцию орудия восстановления исторической справедливости. Реальным историческим субъектом, вершащим суд истории, остается политическая элита общества.

Если автор «Ледяного дома» и вводит в свое повествование персонажей «из народа» (слуги, горничные, крестьяне, торговцы около Гостиного Двора, цыгане), то практически всегда эти персонажи отсылают к фигурам более значительным, выполняют посредническую функцию (донительство, шпионаж). Лажечников, смешивая частное и публичное измерение политики, показывает, что власть вершится не только во дворцах и королевских покоях, но и частное пространство не может быть полностью свободным от присутствия политических акторов. Характерным примером, иллюстрирующим данный тезис, является попытка возлюбленной Волынского молдаванской княжны Мариорицы, входящей в ближний круг придворных Анны Иоанновны, в частной беседе повлиять на судьбоносные для страны решения: «У вас остается Артемий Петрович Волынской! – сказала княжна с особенным восторгом. – Вырвите свою доверенность из рук недостойных и отдайте ему... он достоин быть любимцем царей; вручите ему управление России, и вы увидите, какая слава, какое счастье прольется на народ ваш, как все будет благословлять ваше имя!» [Там же, с. 243].

Публичное пространство, представленное в романе, – пространство зимнего Петербурга – характеризуется утратой своей функции собирания полиголосного и полиперспективного. Улицы и площади зимнего Петербурга, в котором разворачивается действие романа, отличаются пустотой и безмолвием. Огромное, безмолвное, мрачное пространство Петербурга времен Бирона не является пространством очеловеченным, оно, несмотря на гигантские, подавляющие его жителей размеры, не способно служить для них приютом и пристанищем. Пространство города более не вмещает человека, оно противостоит ему как внешняя, чуждая, негостеприимная среда, принадлежащая временщику и его слугам. Для усиления эффекта оторванности пространства от его обитателей Лажечников прибегает к контрастному описанию многолюдного, многоголосного пространства Летнего дворца и Летнего сада времен царствования Петра I и опустевшего сада во времена бироновщины. Если в славные времена Петра «сад бывал сборным местом всего Петербурга... <...> Все говорили вслух о том, что было у них на душе, потому что в душе ничего не таилось против хозяина. Аллеи кипели и шумели... <...> Только темная ночь разгоняла пирующих», то теперь «ужас царствует вокруг этого жилища; сад и в праздниках и в будни молчалив; не нужно отгонять от него палкою, – и без нее его убегают, как лабиринта, куда попавшись, попадешься к Минотавру на съедение» [Там же, с. 29–30]. Многоголосье сменилось безмолвием – право на лапидарный дискурс в публичном пространстве отныне принадлежит особому субъекту – Языку (уголовному преступнику, указывающему властям на своих соучастников): провозглашаемый им пароль «слово и дело» служит перформативом, влекущим за собой немедленный арест любого лица, на которое укажет Язык. Таким образом, народ лишился некогда доступного ему права на дискурс в публичном пространстве, да и само пребывание в этом пространстве

сделалось исключительно вынужденным и подчиненным строго функциональным целям: «Пусто было на улицах и площадях; лишь изредка мелькал курьер, сидя на облучке закрытой кибитки; по временам шныряли подозрительные лица или гремели мерным звуком цепи и раздавалась заунывная песнь колодников...» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 25].

Дискурс власти, представленный в романе, является асимметричным: власть задает вопросы, допрашивает, но не позволяет вопрошать и даже высказываться о носителях власти: «Он такой фаворит, что нельзя о нем и говорить» [Там же, с. 51]. В приемных покоях Бирона «слов между приходящими не слышно» [Там же, с. 115], а сам он, давая рекомендации молодому секретарю Эйхлеру, признает, что «первый враг – язык» [Там же, с. 120]. Народ здесь, как и у Пушкина, безмолвствует.

Феномен власти тесно связан с феноменом пространства. В любую историческую эпоху носители власти избирают специфические формы организации и упорядочения социального пространства, стремятся к созданию и обособлению собственной пространственной сферы. Монархическая власть в романе Лажечникова создает уникальное безжизненное пространство – ледяной дом. Предназначенный для проведения шутовской свадьбы, ледяной дворец приобретает множество символических значений и коннотаций: это и место последнего свидания Вольнского и его возлюбленной Мариорицы, за которым последует смерть обоих героев; это и памятник замученному людьми Бирона малороссийскому дворянину Горденко; это и образ всей России, застывшей в ужасе под властью временщика. Ледяной дом символизирует небывалую роскошь и внешнее великолепие власти («он казался высеченным из одного куска сапфира, убранного фигурами из опала» [Там же, с. 164]) и одновременно ее хрупкость и шаткость («ледяной дом рухнул; уцелевшие льдины развезены по погребам» [Там же, с. 303]).

Смещение перечисленных выше уровней власти достигается путем ее трансгрессии, то есть преодоления запретов, границ между различными уровнями, на которых проявляются отношения власти. Фрагменты романа, которые посвящены описанию такого характерного для эпохи правления Анны Иоанновны трансгрессивного феномена, как шутовство, демонстрируют нивелирование оппозиций высокого и низкого, трагического и комического, благородного и уродливого: «кабинет-министр занимался шутовским праздником с таким же вниманием и страхом, как бы дело шло об устройстве государства» [Там же, с. 13]; «Князья, люди первых фамилий русских... спешат наперерыв записаться в скоморохи, в шуты...» [Там же, с. 53]; «Скоморохи предпочтены истинным слугам отечества» [Там же, с. 221]. Должность шута, некогда столь унижительная для ее обладателя (к примеру, в «Басурмане» Лажечников уравнивает ее с презируемой во времена Ивана III должностью лекаря [Там же, с. 348]), отныне приобретает привлекательность и для некоторых представителей дворянского сословия (так, столбовой дворянин Кульковский становится старшим пажом и старшим придворным шутом). Быть шутом отныне означает пользоваться особым расположением императрицы. Растворяется та грань, которая отделяет официальную власть от трансгрессивных феноменов, служащих важнейшим средством социальной динамики и трансформации властных отношений.

Одним из трансгрессивных феноменов, обеспечивавших возможность творческой динамики российской культуры, традиционно являлся феномен юродства. Юродивый смотрит на мир из трансцендентной божественной перспективы и действует в соответствии с нормами сакрального порядка, что придает его действиям для наблюдателя, принадлежащего миру дольнему, зеркальный, перевернутый характер. Иллюстрацией «антиповедения» (Б. А. Успенский) юродивого может служить фрагмент агиографии Василия Блаженного, который, скитаясь по улицам Москвы, кидал камни в сторону домов благоверных людей и, напротив, целовал

углы домов, в которых жили грешники [Панченко, 1984, с. 103]. Исходя из так называемой естественной установки сознания (А. Шюц), для которой характерна вера в то, что феномены мира воспринимаются мною и другими одинаково, действия юродивого приобретают кощунственный, девиантный оттенок. Смысл поведения «божьего человека» проясняется при переходе сознания в обратную перспективу: юродивому доступно сакральное измерение мира, поэтому кидание камней в сторону домов праведников агиограф объясняет стремлением прогнать нечистую силу, которая не может проникнуть внутрь, «да не запинаят стопы праведных» [Там же]. В домах грешников, напротив, нечистая сила ликует, поэтому, согласно агиографии, юродивый целует ангелов, плачущих вне дома. Таким образом, юродство создает в структуре социального пространства России своеобразные антимиры, сгустки анти-пространств и анти-времен, зеркально преломляющие повседневность земного бытия.

Деятельность Анны Иоанновны как реальной исторической фигуры характеризовалась борьбой с традиционным для русской средневековой культуры феноменом юродства [Лихачев, 1976, с. 182]. На смену сакральной, наполненной религиозными смыслами фигуре юродивого пришла светская фигура шута. Изгнав юродивых из сферы политики и окружив себя «вереницей шутов разного звания и лет», монархическая власть не только дистанцировалась от своей сакральной основы, но и разрушила традиционный средневековый институт протеста [Там же, с. 180]. Шутовство в эпоху Нового времени, в отличие от юродства и средневекового шутовства, уже не выполняет антидискурсивную, критическую функцию по отношению к дискурсу власти, связанную с выражением народной, «неофициальной правды» (А. Н. Веселовский); в эту эпоху происходит, по М. М. Бахтину, «огосударствление праздничной жизни» [Бахтин, 1990, с. 41]. Институт шутовства, представленный в романе Лажечникова, ассимилирован системой властных отношений. Смех шутов при дворе Анны Иоанновны органично вписывается в официальный дискурс власти. Весьма показательной в этом отношении является знаменитая глава «Ледяного дома» под названием «Родины козы», повествующая о шутовском поклонении императрицы и самых знатных ее подданных козе придворного шута Педрилло: «Введенная в спальню родильницы, государыня подошла к постели, изволила высыпать из кошелька на особо приготовленную подушку несколько десятков золотых монет на зубок и потом спросила госпожу Педрилло об ее здоровье. Родильница (тиснутая за ногу повивальной бабкой) преумилительно заблеяла ответ, и вместе с этим весь ее козий штат заблеял хором: кто басом, кто тенором, кто дискантом, чему ее величество изволила от души смеяться. <...> ...Потом, когда Анна Иоанновна присела на кресла, герцог вызывал по этому списку всех посетителей и посетительниц, одного за одним, по классам, с тем чтобы они подходили к родильнице и исполняли то же, что сделала государыня. <...> На сцене одни шуты удерживали свое хладнокровие и важность, от чего еще более усиливалось смешное зрелище. Одним словом, потеха была такая, что государыня забыла свою болезнь и хохотала до слез; все за нею смеялось также, не в состоянии быв соблудности должного приличия, чем она немало не оскорблялась» [Лажечников, 1963, т. 2, с. 218]. Приступ смеха, охвативший императрицу и ее приближенных, лишен «возрождающего и творческого начала» (М. М. Бахтин). Это смех, покинувший широкие просторы площадей и неофициальных карнавальных пространств и заключенный в тесные рамки придворного пространства. Лажечников, вопреки выводам Бахтина о том, что власть и насилие несовместимы со смеховым дискурсом [Бахтин, 1990, с. 104], демонстрирует органичность присутствия смехового начала в дискурсе власти. Исследователями уже были выявлены антихристианский подтекст сцены родин козы, а также ее культурологическое родство с древнегреческими празднествами в честь бога Диониса – дионисиями [Проскурнина, 2014, с. 29].

Кроме того, следует обратить внимание и на примеры символического использования животных в революционных трансгрессивных ритуалах: «Мона Озуф рассказывает о многочисленных случаях, когда живые животные использовались в виде аллегорий, свинья – как перевоплощение короля, коза – как живая аллегория королевы (курсив наш. – Н. Б.). Характерно, что эти животные использовались для профанации святынь в зловещем подобии карнавала. Им на шею вешались чаши причастия, к хвостам привязывались распятия, Евангелия, Библии» [Ямпольский, 2004, с. 745]. На наш взгляд, и подобного рода революционные ритуалы, и сцена родин козы из «Ледяного дома» могут быть объединены установкой на нивелирование трансцендентной сущности власти и погружение ее в имманентное.

Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом» демонстрирует разнообразие форм и способов осуществления власти. Вскрывая причины кризиса власти, охватившего Россию в период правления Анны Иоанновны, писатель противопоставляет власти временщика идеал сильной монархической власти, основанной на принципах соответствия высшему, метафизическому Закону. Господство монарха над своими подданными уподобляется автором отеческой власти, которая может укрепляться или расшатываться под действием иррациональных факторов. Негативно оценивая последствия «кровавой бироновщины», Лажечников вместе с тем выступает сторонником развития России по пути, предначертанному реформаторскими начинаниями Петра I.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 227–239.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- Белинский В. Г.* Ледяной дом. Соч. И. И. Лажечникова. Басурман. Соч. И. Лажечникова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–23.
- Бердяев Н. А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. Репр. воспр. изд. 1918 г. М.: Филос. о-во СССР, 1990. 240 с.
- Вико Дж.* Основания Новой науки: Пер. с итал. Москва; Киев: «REFL-book» – «ИСА», 1994. 656 с.
- Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 6–8. М.: ГИХЛ, 1958. 640 с.
- Горбатов М. А.* Фольклоризм русского исторического романа рубежа 1820–1830-х годов: М. Н. Загоскин и Н. А. Полевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 2009. 23 с.
- Канетти Э.* Масса и власть. М.: Астрель, 2012. 574 с.
- Канторович Э.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
- Кожев А.* Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
- Лажечников И. И.* Сочинения: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 1. 568 с.; Т. 2. 732 с.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
- Панченко А. М.* Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.
- Полежаев П. В.* Бирон и Волынский. Харьков: Рубикон, 1994. 480 с.

Проскурнина Л. В. Жанрообразующие факторы исторического романа И. И. Лажечникова // Научн. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Т. 24, № 26(197). С. 23–31.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10: Письма 1831–1937 гг. М.: ГИХЛ, 1962. 488 с.

Чиркова А. В. Онтологическая активность текста (на примере романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом») // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 255–259.

Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: НЛЮ, 2004. 800 с.

N. A. Balakleets

*Ulyanovsk State Technical University
Ulyanovsk, Russian Federation; bnatalja@mail.ru*

Metaphysics of power in the novel of I. I. Lazhechnikov «The House of Ice»

The paper discusses the metaphysical aspects of the power represented in the novel of I. I. Lazhechnikov «The House of Ice». The literary work provides rich material for the study of the typology of power, methods, and forms of its realization and its transgression. The author uses the ideas of N. A. Berdyaev, A. Kojève, M. M. Bakhtin, E. Canetti, M. Iampolski and other researchers in the analysis. The levels of the power realization in Lazhechnikov's historical novel are made explicit and described. Revealing the causes of the power crisis during the reign of Anna Ivanovna, the author contrasts the government of her favorite Biron with the strong government principles embodied in the figure of Peter I. Particular attention is paid to the gender aspect of monarch's power, as well as to the phenomena of body and space.

Keywords: russian literature, historical novel, power, metaphysics, I. Lazhechnikov, «The House of Ice», body, space.

DOI 10.17223/18137083/57/5

References

Averintsev S. S. *Vizantiya i Rus': dva tipa dukhovnosti* [Byzantium and Russia: two types of spirituality]. *Novyy mir* [New World]. 1988, no. 9, pp. 227–239.

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renaissance* [Creativity of Francois Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990, 543 p.

Belinskiy V. G. *Ledyanoy dom. Soch. I. I. Lazhechnikova. Basurman. Soch. I. Lazhechnikova* [The House of Ice. Work of I. I. Lazhechnikov. Basurman. Work of I. Lazhechnikov]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 3* [Complete Works. Vol. 3]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7–23.

Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii: Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The fate of Russia: Experiments on the psychology of war and nationality]. Repr. vosproizvedenie izd. 1918 g. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 240 p.

Vico G. *Osnovaniya Novoy nauki* [The New Science]. Moscow, Kiev, “REFL-book” – “ISA”, 1994, 656 p.

Gertsen A. I. *Byloe i dumy. Ch. 6–8* [My Past and Thoughts. Pts. 6–8]. Moscow, GIKhL, 1958, 640 p.

Gorbatov M. A. *Fol'klorizm russkogo istoricheskogo romana rubezha 1820–1830-kh godov: M. N. Zagoskin i N. A. Polevoy* [Folklorism of the Russian historical novel at the turn of 1820–1830: M. N. Zagoskin and N. A. Polevoy]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov, 2009, 23 p.

- Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Moscow, Astrel', 2012, 574 p.
- Kantorowicz E. *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii* [The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology]. Moscow, Izd-vo Inst. Gaydara, 2014, 744 p.
- Kojève A. *Ponyatie vlasti* [The Notion of Authority]. Moscow, Praksis, 2006, 192 p.
- Lazhechnikov I. I. *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Goslitizdat, 1963, 568 p.
- Lazhechnikov I. I. *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Goslitizdat, 1963, 732 p.
- Likhachev D. S., Panchenko A. M. "Smekhovoy mir" *Drevney Rusi* ["The Laughing World" of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka, 1976, 204 p.
- Panchenko A. M. *Smekh kak zrelishe* [Laughter as Spectacle]. In: Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad, Nauka, 1984, pp. 72–153.
- Polezhaev P.V. *Biron i Volynskiy* [Biron and Volynsky]. Kharkov, Rubikon, 1994, 480 p.
- Proskurnina L.V. Zhanroobrazuyushchie faktory istoricheskogo romana I. I. Lazhechnikova [Genre factors of historical novels by I. I. Lazhechnikov]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014, vol. 24, no. 26(197), pp. 23–31.
- Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy. V desyati tomakh. Tom desyaty. Pis'ma 1831–1937* [Collected Works. In 10 vols. Vol. 10. Letters 1831–1937]. Moscow, GIKhL, 1962, 488 p.
- Chirkova A. V. Ontologicheskaya aktivnost' teksta (na primere romana I. I. Lazhechnikova "Ledyanoy dom") [Ontological Activity of the Text (at the example of the novel of I. I. Lazhechnikov "The House of Ice")]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 2013, no. 3, pp. 255–259.
- Yampol'skiy M. *Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashchenie Leviafana: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima* [Physiology of the symbolic. Book 1. The return of Leviathan: political theology, power representation and the end of the old regime]. Moscow, NLO, 2004, 800 p.